

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ

ВЕТЕР НАД БЕРЕГОМ

Александр Цыганков

**Ветер над берегом:
Вторая книга стихов**

«Автор»

2005

Цыганков А.

Ветер над берегом: Вторая книга стихов / А. Цыганков —
«Автор», 2005

В книгу «Ветер над берегом» вошли стихотворения томского поэта и художника Цыганкова Александра Константиновича, лауреата литературной премии журнала «Юность».

© Цыганков А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Начала	6
К Музе	7
Всё знает свой язык	8
«Затем и легла тишина...»	9
Кленовый лист	10
1. «Друиды вымерли. Стоят леса в опале...»	10
2. «Дева стоит над водою и смотрит на волны...»	11
3. «Друиды вымерли, но мир не расколдован...»	12
Дикая осень	14
Утраченное	15
Ночные окна	16
Покров	17
Белый камень	18
1	18
2	19
Элегия	20
Слепой дождь	21
Муза	22
Пирамида	23
Только одна луна	24
Берег и море	25
1. «В каком я веке? Камерный вопрос...»	25
2. «Поэт сказал, что море – это речь...»	26
Браконьер	27
Хождение по водам	28
Идиллия	29
Пустота	30
Два капитана	31
Гравюра	32
Петербург	33
Август	34
Осенний пейзаж с одиноким путником	35
Фантом	36
Осенняя луна	37
Накануне	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Константинович Цыганков **Ветер над берегом. Вторая книга стихов**

Начала

Внемлите мне, пенаты, – вам пою...

А. С. Пушкин (из «Гимна Пенатам» Р. Саути)

Зашторен свет, но есть печальный звук
У дальних звёзд... Отложен том раскрытый
И только что прочитан гимн чужим
Пенатам или ларам – всё равно,
Раз не сказать, что древние мертвы —
Оболганные, сброшенные боги.
Мы пестуем наречие своё
Забытым языком, чтоб избежать
Убийственной, продажной болтовни
И с ней согласных умственных затей —
Соображений жизни бестолковой,
Когда ничьё не трогает перо.
Стилистика, поэтика – обрывки
Всё дальше ускользающих теней
Не мраморных – духовных изваяний.
Попробуй к ним дотронуться, достань
Из пекла пламя голыми руками.
Не хочешь – но обязан! Быть живым
Не так-то просто. Да и кто теперь
Простит мне дидактическую речь.
Оболганные, сброшенные боги.

11.1997

К Музе

Сентиментальный, как тиран, злодей ли,
Я разливался строчками не к ней ли,
За нею устремляясь по пятам,
Проскальзывал то шелестом, то тенью,
Живой, но незаметный, к сожаленью,
И не было конца её следам.

О Муза! Будь послушна, будь покорна!
Я звуки собираю, словно зёрна,
Как мельник, весь испачканный мукой,
Терплю твоё ученье, но не муку,
Игру обожествляя, как науку,
Уже не раз обманутый игрой.

Мы вдоволь наигрались в жмурки, прятки.
Давай, теперь проверим наши грядки —
Посмотрим, что садили мы вдвоём,
И, радуясь трудам душой и взором,
Прославим настоящее, в котором
Не век, не два с тобою проживём.

Переживём спокойно и незримо.
Пускай другое что-то мчится мимо,
Со скрежетом вращается вокруг.
Всё это ощутимо еле-еле,
Как суета оконченной недели
И то, что в понедельник сходит с рук.

Где слово – это только оболочка,
О Муза, будь покорна! Дальше точка,
Единственная точка или слог.
Как всякий звук и он звучит не ново,
Но в этом слоге выражено слово,
Которое я выразить не смог.

2.1996

Всё знает свой язык

Всё знает свой язык, свои приметы —
Зелёный луг и лес кудрявый, где ты
Как посторонний с некоторых пор,
Где вечер, словно Рембрандт в Эрмитаже,
Как будто ждёт кого-то и в пейзаже
Шуршит листвой невидимый дозор.
И в час, когда не слышится и шорох,
Разбрасывает ночь созвездий ворох,
И лес, дремучий, заговор творит.
И темнота вокруг встаёт такая,
Что кажется, с рождения немая,
Вдруг тишина с тобой заговорит.

4.1996

«Затем и легла тишина...»

затем и легла тишина
над безмятежной степью
чтоб ты оглянулся и видел

ГОРНОЕ ОЗЕРО ГРОМА

12.1995

Кленовый лист

1. «Друиды вымерли. Стоят леса в опале...»

Друиды вымерли. Стоят леса в опале.
На ветвях кошка вечности лежит.
И время, словно мышь на интеграле,
На кошку подозрительно глядит.

Предусмотрели вещи друиды
И одухотворили мёртвый лес,
И, старцами раздетые, дриады
Смирились перед волею небес.

Тропою песни пой внутри напева,
Следи высоким соколом следы.
Внимательная кошка, словно дева,
Разглядывает зеркало воды.

Забылась мышь... Слезает кошка с древа —
К воде крадётся вечность... Кошка, стой!
Мышь прячется внутри листвы напева.
Не кошка – просто дева над водой.

2. «Дева стоит над водою и смотрит на волны...»

Дева стоит над водою и смотрит на волны.
Всех отражений сложенье стремится к огню.
И в зеркала не насмотрится время, в чьём лоне
Зреет звезда, словно осени дар январю.

Вот и наброшена тень на прозрачную бездну!
Тень, словно ветка, ломается. Дева стоит.
Надо же так! Кто-то эту темницу отверзнул —
Пламя вложил и устами листвы говорит.

В пальцах огня преломляются времени дали.
В кроны стекольщик врезает кусочки реки.
Листья опального леса в потоки опали.
Алые реки, как вены, под кожей строки.

3. «Друиды вымерли, но мир не расколдован...»

Друиды вымерли, но мир не расколдован.
Стоят леса в опальной нагоде,
И хоровод двенадцати прикован,
Как лист, к нерукотворной высоте.

Будь зорким невпопад, будь зрячим, то есть
Прислушивайся к музыке, – с венца
Лист падает один, и эту повесть
Ещё никто не понял до конца.

Жрецы творили мир, а вышла Дева.
Другого смысла в этом звуке нет.
Тропую песни пой внутри напева,
Распутывай сплетение планет —
Сплетенье тел, ветвей, теней сцепленье...
Следи высоким соколом следы —
Мгновений и веков оцепененье,
Звериный бег по зеркалу воды.

Шеломок – 9.1995

Дикая осень

Егеря в голубых маскхалатах
Гонят дикую осень в засаду.
Так природа велит – виноватых
В этом выборе нет. Листопаду
Выпал образ беды или жребий —
Как удача до травли охочих.
И плывёт в перевёрнутом небе
Октября неразборчивый почерк.

Налетит ли порыв листодёра,
Или ястреба крик, или шелест
Выдаст осени след, разговора
Егерей не подслушаешь через
Отгоревшее время. И в кроне
У эпохи костёр листопада —
То ли ветви горят, то ли корни
Стройной лирики старого сада.

Тонут в небе последние крики
Под прицельным огнём или светом,
И разбег этой осени дикой
После вспышки сливается с ветром.
И становится грустно немного,
Словно дрожь пробегает по кровле.
И высокое зеркало Бога
Светлым ликом встаёт в изголовье.

11.1995

Утраченное

Читательница мира у окна,
Как вьюга перед зеркалом, а дальше —
До подписи лакуна в этом тексте
Ползёт, как снег с разбуженной вершины...

1996

Ночные окна

Мир связан, как чулок, из белой пряжи.
За окнами так долго льётся свет.
И длительность его сознание свяжет,
Что это ночь и выхода здесь нет.
Идут снега из арок небосвода...
Кто выдумал всё это? Боже мой!
Достал меня, как спичку, из народа,
И сжёг простое солнце надо мной.

Крадётся ночь по городским дорогам,
Проходит все пределы тишины,
Как человек, мечтающий о многом,
Не знает и не чувствует вины.
За окнами светло от снегопада —
От пепла отгоревших осенин.
И хорошо, что сожалеть не надо,
Что ты живой и в мире не один.

10.1995

Покров

Я и это приму словно дар
Легендарных вершин. Белый снег
Над лесами, как вещей Олег
Перед чёрным становьем хазар.
Ибо им и названий не счесть —
Этим диким урочищам. И
Осыпает сгоревшие дни
Белых вьюг благодатная весть.

Или это волхвы высоту
Затянули льняным полотном,
Отбелили его и кругом
Обернулись, и в белом скиту
Растворились, заклатья творя...
Понатешились временем всласть!
Словно некуда было упасть
Тем плодам, что питали меня.

4.1996

Белый камень

1

Белый камень – только пена,
Белый дым над алтарём...
Как-нибудь переживём
Этот вьющийся из тлена
Запах моря, плеск воды...
Звёзды в небе, как следы.

Звёзды в небе или очи,
Ускользнувших в тонкий слой...
Нам тревоги, им – покой,
Дальше точка или прочерк...
В тех пределах только свет,
Даже зеркала там нет.

Даже зеркало разлито,
Словно солнце, по волнам,
По которым вышла к нам
В белой дымке Афродита,
Только смыло море мел,
Словно свет перегорел.

Словно света не бывало —
Так мелькнуло что-то, и
Камень встал среди земли,
Там, где музыка играла.
Звёзды смотрят из воды,
И воде не смыть следы...

2

В белом облаке Вселенной
Бесконечность, тишина...
Или времени волна,
Или память нитью тленной
Вьётся вокруг веретена...

Неужели нитка точит
Время смыслу вопреки?
Или камень извлеки,
Или лейся многоточьем
Звёзд полуночной реки...

Здесь немного и немало —
Вдохновение одно...
Во Вселенную окно
Приоткрылось, но сначала
Было зеркало дано...

12.1995

Элегия

Ливень разжигает пламя клёна.
В низком небе тучи хороводят.
Я забыл всех ближних поимённо —
Не зовут и в гости не приходят.
Осенью, как водится, былое
Вечерами в чайнике дымится.
В зеркале тоска. Но что такое?
Я не юнкер, чтобы застрелиться.
Просто я душою с небом вровень.
Старый клён в окно стучит ветвями.
Вот к зиме срублю его под корень —
Станут все года его дровами.
Пусть горят не жарко – всё же чурки.
Строфами уложатся поленья.
Полыхай, огонь моей печурки,
Теплоту вдохни в стихотворенья.
Я же стану к Библии прилежен.
Полюблю... Наверное, блудницу.
Буду к ней взыскателен и нежен
И весною выпущу, как птицу.
Подниму светильник над распадом.
Закипай, вода, в огне листовном!
Быть тебе, как прежде, снегопадом,
Ну, а мне, как должно, – покаянным.
Я поэт, которых было много,
Пасынок заморского аэда.
Если что и светит, то дорога.
И продолжить нечего на это.
Но, как тот охальник во Гоморре,
Дара не растрочу ради хлеба.
Синева, чтоб слышать голос моря,
И зимой достаточно у неба.
Вдалеке всё что-то так и ропщет,
Или просто ливень льётся речью —
Говорит, но высказать не хочет,
Как и я – скажу, но не отвечу.

9.1996

Слепой дождь

Дождь и солнце – ну что за погода?
Опрометчивей зеркала нет!
Прямо в душу течёт с небосвода
Сентября перевёрнутый свет.
Словно это художник наивный
Ярким кадмием красит этюд —
Всё по-прежнему, всё примитивно!
Ничего необычного тут.

9.1996

Муза

бесплотный призрак
среди тотальной телесности

5.1995

Пирамида

Кто объяснит нам значение знаков и формул,
Если ответ замурован. Молчит пирамида.
В каждом восходе рождается новая форма.
В каждом закате пропала своя Атлантида.
Свет по природе своей, как и тьма, без предела,
Тайного смысла исполнен и льётся слоями;
Углем становится, мрамором, россыпью мела,
Камнем твердеет, чтоб вырасти над площадями;
В образе всадника царствует над подлежащим,
В образе лошади терпит побои глагола:
Весь, как и всё, да и все, не всегда настоящий;
Весь, чем объято пространство от кровли до пола.

Как же здесь быть равнодушным к тому, что руками
Взять невозможно, измерить и взвесить на чаше.
Кто-то же выдумал всё и открыл перед нами
Наши свершенья и даже сомнения наши.
Оттиском ветра лежит на поверхности влаги
Блик самородного золота – высшая проба!
Свет преломляется, лепится к белой бумаге,
Свитком эпохи горит в зеркалах небоскреба.
В этом ли будет вершина и страсти, и смысла?
Близится полдень – и белое солнце в зените!
И облака над землёй, как простейшие числа,
Строятся в ряд и летят по высокой орбите.

Может быть, что-то найдём и осилим без брани.
Может быть, всё, как и ночь, обернётся рассветом.
Может быть, кто-нибудь в этом астральном тумане
В эту же пропасть летит, как и мы, за ответом.
Времени дали пронизаны тонким свечением.
Мёртвые звёзды светить продолжают исправно,
Мелкою сетью плывут и грозят заточеньем,
И вокруг неба всё вертятся слева направо.
В этом кривом зазеркалье – ни рано, ни поздно.
И непонятно – какая нам светит планида.
Солнце горит! И растёт над пустынею звёздной
Каменный Сфинкс, и за ним – темноты пирамида.

11.1996

Только одна луна

и многие многие многие
множества многих звёзд
за ними другое небо

И ТОЛЬКО ОДНА ЛУНА

12.1995

Берег и море

1. «В каком я веке? Камерный вопрос...»

В каком я веке? Камерный вопрос —
Как парус в глубине материка.
Бегут века – и движется строка
По контуру, что к облаку прирос.

Эпоха – словно женщина, её
В объятьях не рассмотришь и раздетой.
И полноводной Обью или Летой
Плывёт тысячелетие моё —
Мне всё равно, когда у самых ног
Кипят бои, и всюду – те же страсти.
И время распадается на части,
И больше нет непройденных дорог.

Другое дело – берег, плеск воды,
Порыв несовершенного глагола...
И наверху, как отраженье пола,
Округлых тел знакомые следы.

2. «Поэт сказал, что море – это речь...»

Поэт сказал, что море – это речь,
Когда вода не скована во льды.
Естественно, что морю должно течь,
А берег – есть твердыня немоты.
Не доверяйтесь волнам! Древний бред...
И что без них услышал бы ты здесь?
Но где не отпечатается след,
Наверно, что-то гибельное есть.

Осадок жизни камнем на верстак
Со дна поднимет мастер и резец
Воткнёт, как в масло, острый, как тесак,
И в камень возвратится под конец.
Горнило парадоксов! Рокот, речь...
Растягивает эхо ветра плеть.
Естественно, что морю должно течь,
Звезде всходить и берегу неметь.

4.1996

Браконьер

*...по слову Твоему закину сеть.
евангелист Лука*

Мне всё равно – что река, что берег,
Когда в карманах отсутствие денег,
Но если ловится белая рыба,
Я буду сыт и беспечен, либо
Не стану желать того, чему рано
Сбыться, как строчке, пророком данной.
Я проживу как рыбак и даже
Как браконьер не в своём пейзаже,
Ибо Господь мне позволил много —
Я на земле и земля у Бога.

6.1997

Хождение по водам

Неправда, что проходит мимо жизни
Поэт, что говорит о чём-то высшем.
Он просто выше смерти или свыше
Дано ему смотреть. Допустим, казни
Чреваты взвездным колесованием —
Все казни, что творятся ежечасно.
И быть поэтом, право, здесь ужасно
И страшно петь с тлетворным придыханьем.
Не лучше ли – ХОЖДЕНИЕ ПО ВОДАМ!
Безлунной ночью, в такт четвёртой страже,
Простое, но не мыслимое даже
Лишь только в чудо верящим народам.
И сколько б не сходили, с роком споря,
Из лодки прямо в волны – нет в том прока.
Но всё-таки смотрите на пророка:
С рукой, простёртой над пучиной моря,
Идёт, предполагая лишь терновый
Венец за эти фокусы в награду.
И всё же он не тонет! И не надо
Роптать во время бури бестолково.
Он – есть последний, Он же – есть и первый.
Он – альфа и омега – свят и светел!
Врывающийся в двери словно ветер:
«Зачем ты усомнился, маловерный!»

3.1997

Идиллия

Речная гладь. Идиллия. Рыбак,
Принявший спозаранок кружку чая,
Из белых вод таскает, натошак,
Ельцов да пескарей, не замечая
Сближенья берегов, меж коих сам
Уже распят и гладью успокоен,
Приравнен, то есть, к этим берегам
И с ними слит, но слиться не способен.

Всё сближено. Идиллия. Река
Сама себя в себе воспроизводит,
Выбрасывая рыб, а рыбака
Захватывая зеркалом... Выходит,
Что ловится не рыба, а рыбак,
Без коего уже не представима
Речная гладь, где даже натошак
Не выудить ни щуку, ни налима.

7.1997

Пустота

Проворных пчёл жужжанье и роенье
Над статуей героя, а точнее —
Героя нет, и призрачно виденье,
Но есть одна кудрявая идея.
Всё прочее реально. В первой строчке
Я не предполагал иносказанья,
И всё вокруг от линии до точки
Исполнено по правилам ваянья
И зодчества – с колоннами в просторе
И звездопадом в небе над ареной.
И пустота на каждом косогоре
Читается как реквием Вселенной.
И ветер обтекает идеально
Никем не совершённое творенье.
И нет его! И всё-таки реально
Проворных пчёл жужжанье и роенье.

8.1997

Два капитана

У древних даже статуя гордится
На фоне неподвижного сверканья
Живых огней на крыше мироздания,
Какое нам, бескрылым, не приснится.
Зато какая глыба совершенства!
Гармония во всём и завершённость —
Всё то, что воспитует утончённость,
Тем паче верховодство и главенство.
И никаких открытий – всё известно!
К примеру, Одиссей: как ни скитался,
Но всё-таки повсюду оставался
В родной Итаке – вот что интересно!
Но где же тот, которого Европа
На поиски Эдема посылала?
И что там за скульптура у причала
Стоит над морем, словно Пенелопа,
И держит факел? Очень статуарно
Горит огонь – надежду воспитует!
Летит Эол, но паруса не чует,
И корабли плывут высокопарно.

8.1997

Гравюра

Судьба – архитектурой корабля
Вдруг явится воочию, ломая
Пределы все и контуры дробя
Вокруг себя, все цепи разрывая.
Патетика! И свет из темноты,
И рокот волн, и натиск небосклона...
На фоне путеводной высоты
Видение красавца-галеона!

И капитан, и зодчий на борту.
Подняты паруса и вьются флаги.
Плывёт корабль! И режет черноту.
Старинная гравюра на бумаге.
Вверху, вдоль носа, надпись: «Христофор».
Бежит матрос по лестнице отвесной.
Всё рассчитал, всё выполнил гравёр —
Всё выдумал художник неизвестный.

8.1997

Петербург

Что я скажу, как увижу тебя
С низкого берега в хмурое лето,
В сердце вобравшему все лагеря
И заплатившему щедро за это.
Да и возможно ли выстроить мне
Строчки, как улицы для листопада,
Самой осенней в России листве
В клетку одетого Летнего сада.

Но я хочу повторить этот вздор —
До помешательства светлое небо
Ночи беззвёздной и белый убор
На голове недетого Феба,
Вспомнить внезапно, как дождь моросил
И нависала громада собора,
И позабыть, что я вновь посетил
Место расстрела и ночь приговора.

8.1997

Август

Размытые дороги. Мелкий дождь
Уже неделю льёт непрерывно,
И августа редяющая дрожь
Шумит густой листвою покаянно.
Склонилось лето к прозе. И стихи,
Как водится в деревне в эту пору,
Полны тоски. И тёмные верхи
Всей тяжестью прикованы к Собору,
Как волны к кораблю. Огромный крест
Повис как якорь Господа в потоке
Всё ниже грозовеющих небес.
Пейзаж непроходимый, но глубокий
В картине план. Библейский колорит
Из плотных, вязких пятен, как из теста.
И кажется, что дождик моросит
Для обобщенья времени и места.

Спасское -8.1997

Осенний пейзаж с одиноким путником

Эта яркая осень всё та же,
Тот же лес на вершинах земли.
Одинокий прохожий в пейзаже
Оглянулся и замер вдали —
И увидел высокое небо,
Белый Храм с облаками в окне,
Словно сроду на Родине не был —
Всё гулял, как в чужой стороне,
И внезапно вдруг вспомнил о Боге
В тишине золотых осенин.
И ушёл по размытой дороге
Этот странный прохожий один.
Деревенька мерцала огнями,
Словно вслед говорила тайком:
Заблудившийся ангел над нами
Прошумел озорным ветерком...

Спасское -9.1997

ФАНТОМ

Без флага, без цели и славы —
Один на Аркольском мосту —
Любимец Победы безглавой
Мечтами объял пустоту.
Не пропасть под ним, а канава.
Не звёзды над ним, а чердак.
И носится ветер лукавый,
И рвёт над безумцем колпак.

10.1997

Осенняя луна

С красивой ведьмой, смеющейся игриво,
Глазастою сентябрьскою ночью
Лукавый разговор вести неторопливо
И в плащаницу кутаться паучью,
А утром разбирать, разглядывать подробно
Резной пейзаж в растительном багете,
Как сеть плетёт паук – легко и расторопно,
И кружится колдунья в бабьем лете.

И говорить о том с любым случайным встречным,
И лгать красиво всем, по новой моде,
О чарах колдовских, и путаною речью
Придумать что-то заговора вроде.
Проворным будь, паук! И звонче пой, колдунья!
Раз в дебрях сентября другому места нет.
Какая мгла кругом! И жаль, что не колдун я, —
Осеннюю луну не вижу на просвет...

9.1997

Накануне

Итак, не будем спать...
апостол Павел

Горит луна в осенних листьях клёна,
И полночь тяжелеет от латуни.
Душа поёт – вполне определённо,
И мысли все как будто накануне
Чего-нибудь такого... Я не горец
И света по ночам не жгу напрасно —
Под лампой государственных бессонниц
Себя увидеть было бы ужасно.

И не пророки – только очевидцы,
Мы угадать грядущего не можем.
Прокуренные строчки на страницы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.